

Митурин-Май

05.10.05

Культура. 2005. —
5 окт. — с. 10

Рисующий светом

Май Митурич в Третьяковской галерее

Приуроченная к восьмидесятилетнему художника, эта выставка впервые за последние годы так полно и ярко отразила весь его творческий путь — от работ 60-х годов, первых, принесших ему признание детских книг, до сделанных уже в двухтысячные годы живописных и графических вещей.

За плечами художника большая жизнь. Детство, озаренное светом любви и заботы матери и отца, сделавших из сына художника. Родительский дом — комната-мастерская на девятом этаже знаменитого дома Вхутемаса на Мясницкой в Москве, где до конца жизни жили Петр и Вера Митуричи. Фронт, куда ушел Май семнадцатилетним мальчиком, война "от звонка до звонка"... Десятилетия напряженной творческой работы, многие десятки книг, приобщивших несколько поколений читателей к литературе разных народов, близкое знакомство с Самуилом Маршаком, Корнеем Чуковским, Агнией Барто... Признание, известность и искренняя любовь буквально всех, кому посчастливилось в жизни узнать его — художника и человека с таким необычным и таким подходящим ему молодым звонким именем Май.

Выставка поражает удивительной целостностью мировосприятия художника, остававшегося самим собой на всех этапах своей творческой жизни, совершенством художественного мастерства, изначально, с самых первых вещей удивительно зрелого и оригинального. Да, Май Митурич хранит и развивает традиции русского рисунка, на которых он вырос, воспринял от своего отца Петра Васильевича Митурича, блестящего рисовальщика. Он — признанный мастер русской школы иллюстрации с ее редким умением воссоздавать стиль, аромат каждой эпохи, каждого народа, каждого писателя. Но, опираясь на творчество своих замечательных предшественников и учителей — Владимира Лебедева, Евгения Чарушина, Владимира Конашевича, ни в чем им не изменяя, Май Митурич создал свой неповторимый мир детской иллюстрации, привнес в нее особую

одухотворенность, поэтическую сказочность и веселую, по-детски лукавую доброту; выставка в ГТГ это ярко продемонстрировала — равно в "Командорских островах" 1969 года и новом варианте "Маугли", вышедшем в 2005-м. Его книги населены множеством живых существ. Суетятся, порхают "Сорок четыре веселых чижа" Маршака; победоносно расправляются с "Тараканищем" героический воробей Чуковского; пасутся и мирно дремлют мудрые олени книжек Геннадия Снегирева, из таинственных зарослей тропического леса смотрят на нас острые звериные глаза киплинговской "Книги джунглей"... Проступает сквозь туман веков прекрасное детство Эллады, белеет нетронутой чистотой прибрежный песок, и крылатые лады Одиссея растворяются в манящих просторах южных морей. Таковы же и его недавние иллюстрации к японским сказкам, к японской поэзии, акварельные пейзажи, сделанные во время пребывания на Хоккайдо, где он прожил год под припашению своих японских друзей. Япония встает в восприятии русского художника, преломленная через его зрение, прошедшая через его душу, а потому особенно близкая нам, понятная и удивительно живая. Далекий и неизвестный мир природы, людей, уклада жизни, народной фантазии открывается в книжках чудесных японских сказок, оформленных Митуричем, оживает в его тонких, изящных иллюстрациях, и созвучных японскому искусству, великой японской цветной гравюре, и оригинально "своих". Представшие несколько лет назад на выставке в Музее Востока тончайшие, изысканно красивые рисунки к хайку — трехстишиям Мацуо Басё, врисованные в свитки, где иероглифы японского письма начертаны прославленным японским мастером каллиграфии Юсэки Моримото, — поразительное единение "душ" двух народов, при котором каждая "душа" только ярче выявляет себя.

Едва ли не самое личное в творчестве Мая Митурича — его живопись, маслом и акварелью. Живописные вещи Митурича — совершенно особый



М. Митурич. "Обелиск у рыбацкой деревни Эсудзак. "Рыбы, извините нас..."

мир, поэтический и светлый, абсолютно реальный и волшебнo-чудесный, освобожденный от всего темного, мрачного, преходящего. Мимолетное состояние весеннего леса, когда за какой-то один теплый день распускаются, прозрачно зеленеют молодые листья; изменчивое освещение раннего утра в горах остановлены кистью большого мастера, сохранены навсегда и, кажется, пребывают вечно. И сейчас, как тысячелетия назад, громоздятся на фоне залива цепочки дальних гор и розовато-лиловые прибрежные камни Греции; высются в незыблемом безмолвии вечности древние Гималайские горы, мудрые и таинственные, как сама Индия; серебрится кружевом иней на тонких ветвях подмосковного леса... Мая Митуричу как мало кому удается передать что-то самое главное в природе — ее одухотворенность, таящуюся в деревьях, скалах, облаках, безбрежных просторах моря...

Совсем новый, недавно показанный зрителям цикл "По мотивам Петра Митурича 1918 — 1922 годов", волею судьбы кружевом иней на тонких ветвях подмосковного леса... Мая Митуричу как мало кому удается передать что-то самое главное в природе — ее одухотворенность, таящуюся в деревьях, скалах, облаках, безбрежных просторах моря...

"авангардистов" начала XX века, но их новое обретение, подлинное "воскрешение". Май Митурич взглянул на мир с той же непредвзятой новизной, с какой смотрели наши деды и отцы, и мир предстал в его холстах необычным, увиденным по-иному, свежее, причудливее...

На протяжении своей достаточно долгой жизни Май Митурич не изменил себе ни в чем. В работах 2000-х годов все то же, типично "маево", звучание цвета, тот же его удивительно светлый, неповторимый человеческий облик. Кажется, что сам XX век, измученный собственным прагматизмом и жестокостью, сберег для себя в творчестве Мая Митурича чистоту света и доброты. Восьмидесятилетний Май смотрит на божий мир ясными, широко распахнутыми глазами и запечатлевает в своих работах его непреходящую красоту, неподвластную гибели, не имеющую ни возраста, ни времени. Выставка на Крымском Валу, названная устроителями "Май Митурич — рисующий светом", — подлинный прорыв сияющего света в сумерках так грозно начавшегося XXI века...

Мария ЧЕГОДАЕВА